

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10

EDN: FDBFDA

И. Г. ДЕЖИНА¹

¹ Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
125993, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ В 2018–2022 гг.: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ СИГНАЛЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу российской научной политики, проводившейся с 2018 г., когда были утверждены новые цели развития науки, транслированные в бюджетный процесс и национальные проекты. Меры научной политики рассматриваются в проекции трех акторов. Первый — это государство, устанавливающее цели развития, формирующее систему управления и координации и выделяющее основные средства на науку. Второй актор — это Российская академия наук, выполняющая экспертную функцию. В качестве третьего актора выделена вузовская наука, ставшая в последние годы главным бенефициаром мер государственной поддержки. Цель статьи состоит в выявлении ключевых направлений научной политики страны с точки зрения степени готовности сферы науки к радикально изменившимся геополитическим условиям, которые сложились в 2022 г. Показано, что система управления наукой эволюционировала в сторону роста централизации и усиления вертикали власти, включая принципы распределения финансирования. Это дает возможность концентрировать ресурсы на решении ключевых задач. Вместе с тем задач, которые бы требовали такой централизации, поставлено не было. Основные цели научной политики ориентировали на диверсификацию и встраивание российской науки в международную (через улучшение позиций в международных рейтингах, наращивание публикаций в изданиях, индексируемых в зарубежных базах данных, поощрение циркуляции кадров). Результатом разнонаправленности политики стало то, что сфера науки оказалась не подготовленной к условиям жестких санкций. Удалось принять только меры немедленного реагирования и с существенным опозданием начать формирование повестки, нацеленной на создание условий для развития, изолированного от ведущих научных держав.

Ключевые слова: научная политика; государственное регулирование; наука в вузах; Российская академия наук; санкции; международная кооперация; Россия.

Для цитирования: Дежина И.Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 132–149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10 EDN: FDBFDA

Введение

Изучению российской научной политики последнего пятилетия были посвящены ряд системных работ, концентрировавшихся на основных проблемных областях и причинах их возникновения. Были

идентифицированы основные институциональные ловушки сферы науки [5], среди которых стоит выделить ловушку метрик (возникшую вследствие чрезмерной опоры на количественные, в том числе библиометрические, показатели), ловушку возрастающей бюрократии и ловушку дефицита финансирования. Ловушки бюрократии и метрик связаны между собой, поскольку погоня за метриками ведет к росту бюрократии, а бюрократия предпочитает опираться на ясные количественные индикаторы. Проблема бюрократии была выделена в ряде работ [9; 12; 14], где показано, что это приводит к невыполнимости поставленных целей, отсутствию за это наказания и механизмов общественного контроля за принятыми решениями.

С точки зрения теоретических подходов к анализу научной политики примечательна работа В.Л. Тамбовцева [15], в которой предложены три критерия научной обоснованности политики, применимые и к политике в области науки. На основе преимущественно инструментов поддержки науки в университетах автор показывает, что российская научная политика не является научно обоснованной. Есть также попытка на основе анкетного опроса ученых и преподавателей проанализировать инструменты, введенные с 2017 г., после принятия «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Данный опрос показал в целом «неоднозначное» отношение к принятым инструментам и механизмам [3], а также выявил расхождение между мерами, которые реализует государство, и тем, что считает важным делать научное сообщество.

Однако основной пласт работ касается отдельных мер научной политики либо анализа функционирования избранных институтов сферы науки. Ввиду того что наибольшее внимание в последние годы уделялось программам развития вузов и усилению нового менеджериализма, большое число исследований касается вузовской науки, состояние которой чаще всего изучается на основе библиометрических показателей или через призму влияния библиометрии [16; 17; 20; 24; 26].

Оценка институтов в сфере науки в основном касалась деятельности государственных научных фондов. В частности, проводились опросы с целью выявления эффектов реорганизации научных фондов [6; 19]. Так, в 2021 г. массовое анкетирование ученых (7230 человек) показало, что только 3% из них положительно относились к изменениям в системе научных фондов, а более половины — отрицательно. При этом респонденты отметили снижение качества экспертизы проектов и объективности принятия решений о финансировании [6]. Годом позже анкетный опрос 1700 респондентов, работающих в научных организациях и университетах, подведомственных Минобрнауки России, подтвердил, что реорганизация научных фондов привела к снижению доступности грантов, к росту конкуренции, неравенству и даже к коррупционным проявлениям [19].

Совсем немногочисленны работы, исследующие текущее положение и статус Российской академии наук, которая является важным

актором российской научной политики. Более того, сама деятельность РАН практически не рассматривается, исследования в основном концентрируются на последствиях реформы 2013 г., когда от РАН были отделены научные институты [1; 10]. То, чем теперь занимается РАН и насколько такая деятельность нужна, полезна и эффективна, пока находится за пределами исследовательского поля.

Цель данной статьи — определить вектор главных изменений в научной политике страны последнего пятилетия и оценить, насколько принимавшиеся решения подготовили сферу науки к радикально изменившимся геополитическим условиям, появившимся в 2022 г. Последнее пятилетие выделено неслучайно. Оно начинается в 2018 г., когда в научной политике появилась новая повестка, утвержденная после выборов Президента страны. Чтобы сузить многообразие направлений научной политики, мы концентрируемся на основных акторах сферы науки. Это в первую очередь государство, устанавливающее цели верхнего уровня в стратегиях и указах и выделяющее финансирование в различных формах, РАН, а также вузовская наука, в отношении которой было принято наибольшее число мер.

Ресурсы и результаты

Кратко рассматриваемое пятилетие можно охарактеризовать с помощью показателей вложенных в науку ресурсов и полученных результатов. Расходы на науку в ВВП в течение всего периода были ниже, чем в 2017 г., то есть до объявления новых целей научно-технологического развития. Численность исследователей ежегодно сокращалась и в 2021 г. составила 94,5% от уровня 2017 г. (табл. 1). Бизнес-сектор был мало заинтересован как в проведении собственных исследований и разработок, так и в аутсорсинге их у НИИ и вузов, поэтому доля расходов предпринимательского сектора в финансировании науки стагнировала на уровне ниже трети суммарных внутренних расходов на исследования и разработки.

Таблица 1

Динамика расходов на науку и численности исследователей в России, 2017–2021 гг.

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Расходы на НИОКР в ВВП, %	1,11	0,99	1,04	1,09	0,99
Численность исследователей, тыс. человек	359,8	347,9	348,2	346,5	340,1
Доля средств предпринимательского сектора в финансировании НИОКР, %	30,2	29,5	30,2	29,2	29,0

Источник: Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 42, 110, 118.

В то же время на фоне сокращения ресурсной базы результаты исследований, измеряемые числом публикаций, росли высокими тем-

пами (табл. 2), особенно в доковидный период (2018–2019 гг.). Однако показатели цитирования статей российских авторов практически не изменились: рост количества статей не сопровождался повышением интереса к ним в международном научном сообществе. К концу периода доля публикаций российских авторов в мировом потоке постепенно снизилась практически до уровня 2017 г., поскольку в ряде других стран (в первую очередь в Китае и Индии) число публикаций росло опережающими темпами.

Таблица 2

Изменение публикационной активности российских авторов, база данных Scopus, 2017–2021 гг.

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Число статей российских авторов, тыс.	62,3	69,1	75,9	79,6	84,1
Темпы прироста, в % к предыдущему году	+5,4	+10,9	+10,0	+4,8	+5,6
Удельный вес цитирований публикаций российских авторов в общемировом числе цитирований, %	1,78	1,86	1,90	2,03	1,84
Доля статей российских авторов в общемировом потоке публикаций, %	3,06	3,22	3,32	3,19	3,09

Источник: Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 260, 272.

Ориентация НИИ и вузов на публикацию статей увеличила разрыв между фундаментальной и прикладной наукой. В постоянных ценах снижались средства предпринимательского сектора на НИОКР¹ и падала доля расходов на прикладные исследования² в общем объеме проводимых НИОКР. К концу периода это стало одной из серьезных «болевых точек» отечественной науки.

Новые цели и изменения в организации управления наукой

В мае 2018 г. Указом Президента были сформулированы три цели в области науки, которые надо достичь до 2024 г.³:

— присутствие Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития;

¹ Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 119.

² Там же, с. 136.

³ Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» от 07.05.2018 № 204 [электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 28.03.2023).

– обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей;

– опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны.

Первые две цели связаны с международным позиционированием и включенностью в мировую науку, третья имеет важное значение для внутреннего развития в условиях, когда расходы на науку в ВВП были заморожены на уровне примерно в 2–3 раза ниже, чем в странах с развитой наукой. Поставленные задачи стали решаться через Национальный проект «Наука»⁴ (далее — НП), в котором транслированы три главные цели Указа и определены показатели их достижения. В числе прочего через НП реализуются все основные меры поддержки вузовской науки.

Научным проектом только косвенно учитывался фактор влияния санкций, введенных в 2014 г. Их воздействие на сферу науки и тем более на сферу технологий было недооценено. В то же время уже с 2017 г. стали появляться отдельные «сигналы», показывающие эффекты санкций. Так, распространились случаи отказа российским авторам в публикации статей в зарубежных изданиях по политическим, а не по научным причинам [2]. Фактор санкций не был учтен и в «Концепции международного научного сотрудничества Российской Федерации» [11], принятой в 2019 г. В ней не были обозначены ясные приоритеты сотрудничества ни с точки зрения стран-партнеров, ни относительно механизмов кооперации.

Несмотря на то что цели развития предполагали интернационализацию российской науки, стали приниматься решения, усложняющие международное сотрудничество. В 2021 г. были внесены поправки в Закон «Об образовании», касающиеся просветительской деятельности и затрагивающие организацию международного научного сотрудничества. Закон усилил контроль над международными проектами, которые выполняются в НИИ и вузах, получающих средства на исследования и разработки из федерального бюджета, а это большинство организаций сектора науки. Таким образом, на фоне появившихся внешних ограничений де-факто возводились и внутренние барьеры для международной кооперации, а концептуальное позиционирование игнорировало санкции.

Помимо установления новых целей, происходила дестройка системы управления наукой, выразившаяся в укреплении иерархической вертикали. К 2021 г. были созданы коллегиальные органы, которые способствуют усилению централизации: консультативная группа при Совете по науке и образованию при Президенте РФ⁵, разрабатывающая стратегию науч-

⁴ Впоследствии проект переименован в «Науку и университеты».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 144 «О некоторых вопросах Совета при Президенте Российской Федерации по науке

но-технологического развития, и Комиссия по научно-технологическому развитию при Правительстве⁶, координирующая ее реализацию.

Консультативная группа должна формировать и утверждать инновационные проекты государственного значения, федеральные научно-технические программы по вопросам, требующим отдельного решения Президента страны. В свою очередь, на комиссию возложена координация работы федеральных органов власти, РАН, государственных корпораций, институтов развития с целью обеспечения связности процессов от научных исследований до использования их результатов для социально-экономического развития страны. Признаком консолидации стало и сведение бюджетных расходов на НИОКР гражданского назначения в одну программу — государственную программу «Научно-технологическое развитие РФ»⁷.

Централизация и оптимизация коснулись и государственных научных фондов. В 2019 г. было объявлено об их реорганизации, в качестве официальной причины которой называлось устранение дублирования⁸ в работе Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского научного фонда (РНФ). Такой аргумент вызвал протестную реакцию как в организованных научных сообществах (например, в Обществе научных работников, Клубе «1 июля»), так и в РАН⁹, которую Министерство науки и высшего образования не привлекало к обсуждению целесообразности преобразований.

Функционал между фондами был разделен, действовали механизмы согласования и сверки проектов, которые подавались на конкурс. Хотя фонды поддерживали проекты по одному и тому же перечню областей наук и в целом РНФ при своем создании во многом перенял опыт РФФИ, назвать это дублированием было бы неверно, поскольку каждый фонд

и образованию» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103150024?index=0&rangeSize=1> (дата обращения 08.04.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143 «О мерах по повышению эффективности государственной научно-технической политики» [электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46506> (дата обращения 08.04.2023).

⁷ Постановление Правительства РФ от 22.10.2021 № 1814 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110280022> (дата обращения 15.04.2023).

⁸ Научное сообщество обсуждает перспективы реорганизации научных фондов. 05.09.2019 г. [электронный ресурс]. — URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6847737> (дата обращения 15.04.2023).

⁹ Академия обращается в правительство // Научная Россия. 11.09.2019 [электронный ресурс]. — URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademiya-obrashchaetsya-v-pravitelstvo> (дата обращения 15.04.2023).

предлагал свою линейку грантов. В отсутствие частных научных фондов это давало научным коллективам возможность альтернативного выбора.

Правительство сделало ставку на РФФ как на фонд, где будет реализовываться большинство грантовых программ. Такое решение противоречило логике, при которой меньшее, как правило, присоединяется к большему, а не наоборот. На момент начала реорганизаций бюджет РФФИ был почти в 3 раза больше бюджета РФФ, и он выделял значительно больше грантов, хотя и небольших по размеру (табл. 3).

Таблица 3

РФФИ и РФФ: бюджеты и число присуждаемых грантов

Фонд	Число финансируемых проектов в 2019 г.	Ассигнования из федерального бюджета, 2020 г., млрд руб.
РФФИ	17 999	25,0
РФФ	4 700	9,0

Источники: Отчет о результатах деятельности РФФИ за 2019 г.; Годовой отчет РФФ за 2019 г.; Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг.», Приложение 11.

Несмотря на многочисленные аргументы против такого реформирования со стороны РАН и организаций, представляющих научное сообщество, РФФИ был преобразован в Российский центр научной информации (РЦНИ), и основными его функциями стали информационно-аналитическая деятельность в сфере науки, международное научно-техническое сотрудничество и обеспечение доступа российских ученых к научной информации. Это повлекло резкое сокращение бюджета РЦНИ и передачу средств в РФФ. Последующие опросы научного сообщества продемонстрировали сохраняющееся негативное отношение к монополизации грантового финансирования [6; 19].

Таким образом, к 2022 г. российская наука подошла с возросшей централизацией систем целеполагания, регулирования и бюджетирования.

РАН: расширение экспертной функции

На фоне растущей централизации несколько обособленным оставалось положение РАН. Изменения в основном коснулись экспертной деятельности академии¹⁰. РАН было поручено проводить экспертную оценку всех проектов, выполняющихся за счет бюджетных средств, независимо от сектора науки. Поскольку весь научный комплекс страны на 70% финансируется из средств федерального бюджета, объем экс-

¹⁰ Федеральный закон от 19.07.2018 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201807190053> (дата обращения 15.04.2023).

пертной работы, которую стала выполнять РАН, оказался очень большим. Вероятно, при лоббировании руководством РАН необходимости усиления участия академии в экспертизе имелись в виду крупные стратегические проекты и ключевые программы. На практике экспертная работа во многом свелась к выполнению рутинных функций.

Только к концу 2022 г. наметились изменения роли РАН. После выборов нового президента РАН (д. техн. н., академика РАН Г.Я. Красникова) экспертная функция стала рассматриваться как инструмент более широкого влияния на научную политику страны. Новый президент РАН объявил, что приоритетным направлением работы академии станет ее включение в государственную систему принятия решений за счет научно-методического руководства научными институтами, через комиссии, которые до недавнего времени создавались для анализа работы и оценки институтов¹¹. К важным задачам президиума РАН были отнесены инициирование масштабных проектов и научно-методическое руководство ими, а также рост вовлеченности в прикладные разработки на основе консорциумов, куда должны входить представители фундаментальной, прикладной, вузовской науки и высокотехнологичные компании. Объявленные намерения в целом соответствуют основной повестке государственной научной политики, которая стала разрабатываться после введения санкций 2022 г. Вместе с тем расширение экспертных функций может рассматриваться как первый шаг к усилению влияния не только на научную повестку бывших академических институтов и вузов, но и на всю их деятельность. В том числе новый президент РАН в своей предвыборной программе заявлял о важности патроната над академическими институтами и вузами¹². Все годы после реформы РАН 2013 г. ее руководство не оставило стремления вернуться к прежней модели функционирования, когда академия осуществляла полное руководство научными институтами.

Вузовская наука как главный бенефициар

Вузы были в центре усилий государства по развитию науки. Помимо центрального Проекта 5-100, финансирование вузовской науки осуществлялось на основе целого ряда инструментов, включая программу мегагрантов и научно-образовательных центров мирового уровня.

Проект 5-100, начатый в 2013 г., предусматривал широкий спектр мероприятий, касавшихся совершенствования системы управления, кадровой политики, образования и науки, а также их интернационали-

¹¹ Встреча с президентом Российской академии наук Геннадием Красниковым. 11.11.2022 [электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69824> (дата обращения 15.04.2023).

¹² Президент РАН А.М. Сергеев снял кандидатуру с выборов главы академии из-за давления // Коммерсант. 19.09.2022 г. [электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5570400> (дата обращения 13.06.2023).

зации. Его целью было вхождение к 2020 г., по крайней мере, пяти российских вузов в топ-100 мировых рейтингов. Проект был компактным: в нем участвовал всего 21 вуз, то есть была реализована стратегия «выбора победителей» (picking winners) в надежде, что концентрация ресурсов приведет к более масштабным эффектам для всей вузовской науки [7].

Прогресс в развитии стал оцениваться преимущественно по показателям публикационной активности с ориентацией на международные базы данных, в первую очередь Web of Science и Scopus. Именно это в совокупности с другими показателями (например, такими, как привлечение зарубежных профессоров и ученых, международная мобильность, создание международных лабораторий и т. п.) и должно было обеспечить продвижение в международных рейтингах. К 2019 г. стало очевидно, что цель проекта была нереалистичной, и вузы не в состоянии перескочить через сотни позиций в рейтингах, чтобы попасть в топ-100. К завершению Проекта 5-100 в 2020 г. университеты-участники продвинулись в предметных рейтингах, но не смогли войти даже в топ-200 основных мировых рейтингов.

Тем не менее Проект 5-100 можно оценить в позитивном ключе, поскольку он способствовал интернационализации российской науки. Опросы показали, что особенно в региональных вузах исследователи рассматривали требования по наращиванию публикационной активности как стимул к повышению научной квалификации [8]. В проекции возрастной структуры к количественным метрикам быстрее всех приспособились молодые исследователи, и они же менее болезненно реагировали на недостатки такой системы. Существенно увеличилось количество университетских исследователей, участвующих в международных конференциях и стажировках в зарубежных институтах и университетах. В качестве сопутствующего эффекта активизировалось продвижение российских журналов в соответствующие международные базы научной периодики. Число российских журналов, индексируемых в базе Scopus, за последние три года (2020–2023 гг.) возросло на 16,5%, до 721 единицы; в Web of Science — на 7,5%, до 414 единиц; в RSCI (Russian Science Citation Index — «русская полка Web of Science») — на 17,6%, до 944 единиц¹³.

Однако публикационные требования оказались слишком сильно привязаны к системе вознаграждений (доплаты продвижение в должности, наем). Фокусировка на количестве породила множество стратегий быстрого наращивания числа публикаций [18; 22]. Самым тяжелым следствием этого процесса стало размывание этических стандартов. Так, согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ, только 54,3% преподавателей вузов относились положительно к практике лишения научной степени за плагиат [13, с. 22], а остальные считали плагиат нормой, за которую не следует наказывать.

К сожалению, Проект 5-100 увеличил разрыв между университетами-участниками и остальными вузами [26]. Концентрация средств не дала

¹³ Индикаторы науки — 2023. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 276.

ожидаемых масштабных эффектов. Это было учтено в новой программе, объединившей значительно большее число участников, — в Программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», начавшейся в 2021 г. В нее вошло 106 вузов, появилось два трека развития: для вузов, стремящихся стать лидерами в исследованиях, и для тех, кто готов вносить вклад в территориальное или отраслевое развитие. Это может несколько ослабить концентрацию на публикационной активности и диверсифицировать цели развития науки в вузах.

Научная политика в условиях санкций

В 2022 г. сразу после начала специальной военной операции институциональное сотрудничество с российскими научными организациями и вузами прекратили страны, которые для России были главными научными партнерами. Ряд издательств перестали принимать статьи от российских авторов [21], российские научные организации и вузы были отключены от базы данных Web of Science, а впоследствии — от Scopus, крупнейшие научные издательства (Elsevier, Springer/Nature, IOP Publishers и др.) официально объявили о прекращении доступа российским организациям к своим журналам. Была приостановлена индексация российских изданий в Crossref. Поскольку на российский журналы приходится около 3% мировой научной продукции, отключение от большинства источников информации резко ограничило возможности российских исследователей быть в курсе современных достижений науки. Сократились также возможности проведения международных конференций на территории России и участия в зарубежных мероприятиях. На распад международной кооперации повлиял и начавшийся рост научной эмиграции. Наряду с российскими учеными из страны стали уезжать приглашенные иностранные исследователи¹⁴.

Опрос, проведенный в ноябре 2022 г., в котором участвовали 577 руководителей научных организаций и вузов, подтвердил, что от санкций в наибольшей мере пострадали разные виды международного сотрудничества, включая коммерциализацию результатов НИОКР за рубежом, возможности получить зарубежное финансирование или опубликоваться в международных изданиях [4].

Таким образом, достижение первых двух целей научной политики, установленных в 2018 г. и транслированных в НП, оказалось под угрозой. В ответ на санкции на государственном уровне политика была скорректирована. В первую очередь появились меры немедленного реагирования:

— отход от принципа учета публикаций в журналах, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus, и разработка национальной системы оценки результативности науки;

¹⁴ Балашова А. «Сколково» и Сколтех: «Мы все время забываем, что мы уже не в СССР» // РБК. 15.08.2022 [электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/interview/technology_and_media/15/08/2022/62f2a5ca9a7947785cd167d1 (дата обращения: 12.04.2023).

– переориентация международной научной кооперации на страны, которые не вводили санкции;

– рост поддержки прикладных исследований, важных для экономического развития и формирования технологического суверенитета.

Вместе с тем финансовые ориентиры не были существенно скорректированы, тогда как опора на собственные силы требует существенного роста инвестиций. Рост финансирования гражданской науки был запланирован только на 2023 г. с последующим его снижением (табл. 4). Поэтому задача переориентации на исследования, важные для экономики страны и обеспечения технологического суверенитета, скорее всего, будет решаться за счет перераспределения средств внутри бюджета на науку.

Таблица 4

Планы бюджетных ассигнований на НИОКР гражданского назначения, 2023–2025 гг.

Показатель	Год		
	2023	2024	2025
Расходы федерального бюджета на НИОКР гражданского назначения, всего, млрд руб.	562,3	552,9	438,6
Изменение к предыдущему году, %	+21,7	–1,7	–20,7
Изменение в сравнении с законопроектом на 2022–2024 гг., в каждом году, %	+18,0	+15,8	–
В том числе по государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»	553,5	543,9	427,9

Источник: Приложение 10 к Пояснительной записке к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.»; расчеты автора.

Что касается новой системы оценки результативности научной деятельности, то базовая идея состоит в переориентации на собственную систему ранжированных научных журналов при одновременном снятии требования публиковаться в изданиях, индексируемых в зарубежных базах. Сначала вышло Постановление Правительства РФ, которым устанавливался до 31 декабря 2022 г. отказ от использования показателей публикационной активности в изданиях, индексируемых в международных базах данных Web of Science, Scopus¹⁵, а в конце сентября отказ был продлен до 31 декабря 2023 г.¹⁶ Соответствующим

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 № 414 «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью» [электронный ресурс]. — URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202203210040> <https://www.kommersant.ru/doc/5357614> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2022 № 1655 «О внесении изменения в абзац первый пункта 1 постановле-

образом была перестроена работа экспертных советов Российского научного фонда с усилением внимания к качественной оценке опубликованных статей независимо от места их издания¹⁷.

В свою очередь, международное научное сотрудничество стало вынужденно перестраиваться на страны, не вводившие санкции. В роли перспективного дружественного партнера рассматривается в первую очередь Китай, с которым на протяжении последних лет усиливалась научная кооперация [23]. Однако потенциал развития отношений ограничен тем, что для Китая Россия не входит в число приоритетных стран для научного сотрудничества. По данным за 2022 г., для Китая Россия находилась на 20-м месте по масштабам (а потому и по значимости) кооперации [25]. Их основные партнеры входят в число недружественных для России стран, поэтому может возникнуть эффект перестраховки из-за опасений вторичных санкций.

Выводы

Научная политика, которая предшествовала началу специальной военной операции, была в целом направлена на встраивание России в мировую науку и занятие в ней достойных позиций. Это наиболее ярко проявлялось в мерах по развитию вузовской науки (ориентация на мировые рейтинги, новый менеджериализм как атрибут западной культуры) и даже в том, что РАН все больше становилась экспертной структурой, хотя и в урезанном виде. Несмотря на то что академии была отведена роль относительно формального одобрения отчетов и заявок, тенденция к преобразованию РАН в центр экспертизы соответствовала западным традициям, хотя значение экспертной функции РАН правительство и сама академия, скорее всего, понимают по-разному. Для РАН это один из способов расширения своего влияния на академические институты и вузы, для правительства, по всей видимости, это лишь закрепление за РАН четко очерченного функционала.

Наряду с этим принимались решения, направленные на формирование модели управления, более соответствующей административно-командной системе. Выстроилась вертикаль власти, возросла централизация, снизилась диверсификация, усилился централизованный контроль, в том числе за международной деятельностью. Такая система дает возможность концентрации интеллектуальных и материальных ресурсов для решения необходимых государству крупномасштабных

ния Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 414» [электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210014> <https://www.kommersant.ru/doc/5357614> (дата обращения 12.04.2023).

¹⁷ Позиция экспертных советов РНФ по вопросу учета публикаций. Пресс-служба РНФ. 06.05.2022 [электронный ресурс]. — URL: <https://rscf.ru/news/found/pozitsiya-ekspertnykh-sovetov-rnf-po-voprosu-ucheta-publikatsiy/> <https://www.kommersant.ru/doc/5357614> (дата обращения 12.04.2023).

научно-технических задач. Однако парадокс в том, что ресурс централизации не был использован для того, чтобы начать создавать собственные разработки, а на их основе — технологии. Поэтому так мало внимания уделялось трансформационным исследованиям и получению результатов, значимых для экономического развития. В то время как в последние несколько лет в ведущих странах мира, заинтересованных в технологической самостоятельности, шли активные дебаты о трансформационных исследованиях и создавались соответствующие институты их поддержки, в России этот пробел начали ликвидировать уже в условиях санкционного давления. При этом вузы, находившиеся все эти годы в публикационной гонке, не сразу смогут стать той базой, на которой разовьется сильная прикладная наука.

То, что в 2022 г. стало серьезной проблемой, отчасти проявлялось уже после первых санкций 2014 г.: информационные блокады, отказы в рассмотрении (рецензировании) статей российских авторов в зарубежных журналах, сложности с обновлением материальной базы науки и др. Заниматься формированием программ и проектов, нацеленных на обеспечение технологической самостоятельности, следовало уже 5–7 лет назад и тогда же — наращивать инвестиции в исследования и разработки.

Отягчающим обстоятельством стало то, что в российской научной политике не сложилась система сдержек и противовесов, которые могли бы уменьшить противоречивость принимавшихся мер. Отсутствие гражданского общества в науке подтверждали опросы, выявлявшие тот факт, что мнение научного сообщества в процессе разработки новых управленческих решений учитывается мало или не учитывается совсем. Это в том числе наглядно демонстрируют характер проведения реорганизации научных фондов или многолетние обсуждения негативных эффектов публикационной гонки. Решения принимаются ограниченным кругом экспертов, и они наряду с чиновниками не несут за них ответственности.

Пересмотр принципиальных подходов к роли науки, который происходит в настоящее время, требует не только дополнительных финансовых ресурсов, но и перехода к новой системе отношений между акторами системы науки. Государству важно было бы увидеть в других акторах (в первую очередь в вузах, НИИ и РАН) значимых и равноправных партнеров и вести открытое публичное обсуждение, в том числе с привлечением организованных сообществ (помимо РАН, это, например, Клуб «1 июля», Общество научных работников, Санкт-Петербургский союз ученых).

После принятия в мае 2023 г. «Концепции технологического развития на период до 2030 г.»¹⁸ на первый план вышла задача формирования технологического суверенитета, который планируется обеспечить за счет развития собственных линий разработки. Это предполагает усиление кооперации научных институтов, вузов и компаний, рост вложений в прикладные исследования и разработки, строгое следование выбран-

¹⁸ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

ным технологическим приоритетам. Реализовать такой замысел нельзя без изменений в научной политике. Она должна будет поменяться сразу в нескольких направлениях. Первое — это кадровая политика, в которую с неизбежностью придется встраивать систему стимулов к получению практических результатов, а не только публикации статей. Второе — изменения необходимы в политике в области финансирования; они уже начали происходить, например, в РФФ. Помимо грантового финансирования, должна меняться и система госзадания за счет перехода от идеологии, основанной на сборе заявок от институтов и вузов «снизу вверх», к формированию тематических направлений, которые важны для обеспечения технологического суверенитета, и к предложению их к реализации на основе госзаданий. Третье — в условиях ограниченных ресурсов и амбициозных задач возрастает роль объективной экспертизы, согласованной с разными акторами научной системы. Здесь вероятно усиление роли РАН в оценке возможностей выполнения тех или иных проектов, однако не менее значима роль и бизнеса, и научного сообщества. Наконец, было бы неправильным перенастроить всю науку на максимизацию экономической отдачи. Система устойчива только при ее диверсификации. Не должна преуменьшаться роль фундаментальной науки как основы принципиально новых идей, а значит, прорывных технологий будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А.* Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. № 12 (1). С. 113–135. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11008 EDN: RFGFNL
2. *Балацкий Е.В.* Ущерб России от международных санкций: переосмысливая факты // Мир новой экономики. 2018. № 3. С. 36–45. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-36-45 EDN: OZTGTQ
3. *Васильева И.Н., Крисько М.О., Корнеева Н.Д., Розова О.И.* Востребованность инструментов и механизмов, созданных в ходе реализации плана мероприятий Стратегии научно-технологического развития РФ, и влияние предлагаемых мероприятий на социально-экономическое развитие Российской Федерации // Социология науки и технологий. 2022. № 13 (3). С. 118–142. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-118-142 EDN: IOOLUN
4. *Власова В., Гершман М.* Делаем науку в России: настроения и ожидания // Наука. Технологии. Инновации. Экспресс-информация. 14.12.2022. [электронный ресурс]. Дата обращения 12.04.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/802297927.html>
5. *Вольчик В.В.* Институциональные ловушки в сфере образования и науки в условиях оптимизации // Журнал экономической теории. 2019. № 16 (4). С. 783–795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.14 EDN: CVBVAS
6. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Научная политика России – 2022: профессия не дороже Родины. М.: ООО «Буки Веди», 2022. — 64 с.
7. *Дежина И.Г.* «Выбор победителей» в современной научной политике России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 53–74. EDN: AUVVFA

8. *Дежина И.Г., Сорокин А.Н.* Проект 5-100 в восприятии сотрудников университетов // Мир России. 2022. № 31 (1). С. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90 EDN: EBJUEA
9. *Душина С.А., Камнева А.В., Курпrianов В.А., Шиповалова Л.В.* Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // Социология науки и технологий. 2019. № 10 (4). С. 50–76. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-14004 EDN: GSYSRM
10. *Конашев М.Б., Федорова А.А.* Академическая наука в контексте последней реформы РАН // Социология науки и технологий. 2021. № 12 (1). С. 136–155. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11009 EDN: MUDQCD
11. Концепция международного научного сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правительства РФ от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.03.2023. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf>
12. *Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С.* «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 4. С. 94–111. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111 EDN: ZLELEZ
13. *Рудаков В.Н., Рощина Я.М., Битокова Л.А.* Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов. Информационный бюллетень. (Мониторинг экономики образования; № 1 (133)). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. — 84 с.
14. *Семёнов Е.В.* Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализации // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 51–71. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.1.1 EDN: GETAMM
15. *Тамбовцев В. Л.* Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 15–39. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.1 EDN: TRTGPL
16. *Трофимова И.Н.* Национальные исследовательские университеты: статус и результаты деятельности // Социология науки и технологий. 2022. № 13 (1). С. 116–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-116-129 EDN: DUMFAP
17. *Трубникова Е.И.* Академическая мобильность или networking по-русски? // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 139–151. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-139-151 EDN: TUTDYU
18. *Трубникова Е.И.* Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства // Мир России. 2022. № 31 (1). С. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48 EDN: XIUQEI
19. *Фадеева И.М., Алексуткина В.С.* Как российские исследователи оценивают гранты — инструмент развития науки? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15826/umpra.2022.04.030 EDN: ANRIVI
20. *Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M.* The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results // International Transactions in Operational Research. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742 EDN: SEFFLZ

21. *Brainard J.* Few journals heed calls to boycott Russian papers // *Science*. March 10, 2022. DOI: 10.1126/science.adb1981
22. *Dezhina I.* The Publication Race in Russian Universities as an Impediment to Academic Freedom // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. November 20, 2021. URL: muse.jhu.edu/article/839074
23. *Gaind N., Abbott A., Witze A., Gibney E., Tollefson J., Irwin A., Van Noorden R.* Seven ways the war in Ukraine is changing global science // *Nature*. 2022. No. 607. P. 440–443. DOI: 10.1038/d41586-022-01960-0
24. *Guskov A. E.* Boosting research productivity in top Russian universities: The circumstances of breakthrough // *Scientometrics*. 2018. No. 117. P. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8 EDN: YBGLSH
25. *Johnson J., Adams J., Grant J., Murphy D.* Stumbling bear, soaring dragon. Russia, China and the geopolitics of global science. Harvard Kennedy School for Business and Government, Clarivate, The Policy Institute, King's College London. July, 2022. — 24 p. [электронный ресурс]. Дата обращения 25.06.2023. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/Stumbling-bear-soaring-dragon.pdf>
26. *Lovakov F., Panova F., Sterligov I., Yudkevich M.* Does government support of a few leading universities have a broader impact on the higher education system? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative // *Research Evaluation*. July 2021. Vol. 30. Iss. 3. P. 240–255. DOI: 10.1093/reseval/rvab006 EDN: YMGVJG

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дежина Ирина Геннадиевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
Телефон: +7 (499) 120-62-58. **Электронная почта:** degina@iep.ru

Дата поступления: 18.04.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 2. P. 132–149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10

Research Article

IRINA G. DEZHINA¹

¹ Gaidar Institute for Economic Policy.

bl. 1, 3–5, Gazetny lane, 125993, Moscow, Russian Federation.

RUSSIA'S SCIENCE POLICY IN 2018–2022: CONTROVERSIAL SIGNALS

Abstract. The article analyzes the Russian science policy that has been implemented during last five years, after setting new goals in 2018. Science policy measures are examined in the projection of three actors. The first actor is the government that sets goals, systems of management and coordination, and allocates the funds. The second actor is the Russian Academy of Sciences, which performs an expert function. The third actor is university science, which has become the main beneficiary of state support in recent years. The aim of the article is to identify the key directions of the country's science policy in projections of the readiness of the science system to the radically changed geopolitical conditions that have emerged in 2022.

During the last five years, the system of science management has evolved towards increased centralization of power. Such system allows concentrating resources on key

tasks. However, such tasks that would need centralized effort were not set. The main objectives of the science policy focused on the diversification and integration of the Russian science into the international scientific community (through the improvement of positions in the international ratings, growth of publications indexed in international databases, encouraging academic mobility). The result of the contradicting government policy was unpreparedness of the science sector to sanctions. The state was able to undertake only actions of immediate reaction; the time was lost to develop measures aimed at existence in isolation from key world scientific powers.

Keywords: science policy; government regulation; science in universities; Russian Academy of Sciences; sanctions; international cooperation; Russia.

For citation: Dezhina, I.G. Russia's Science Policy in 2018–2022: Controversial Signals. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 132–149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10

REFERENCES

1. Ablazhei N.N., Vodichev E.G., Krasil'nikov S.A. University and the Academy of Sciences: Pas de Deux in the Rhythms of the Epoch. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2021. No. 12 (1). P. 113–135. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11008 (In Russ.)
2. Balatsky E.V. Russia's Damage from International Sanctions: Rethinking the Facts. *Mir noi ekonomiki*. 2018. No. 12 (3). P. 36–45. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-36-45 (In Russ.)
3. Vasilyeva I.N., Krisko M.O., Korneeva N.D., Rozova O.I. The Relevance of the Tools and Mechanisms Created During the Implementation of the Action Plan of the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation and the Impact of the Proposed Measures on the Socio-Economic Development of the Russian Federation. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2022. No. 13 (3). P. 118–142. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-118-142 (In Russ.)
4. Vlasova V., Gershman M. Making Science in Russia: Attitudes and Expectations. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii. Ekspres-informatsiya*. 14.12.2022. Accessed 12.04.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/802297927.html> (In Russ.)
5. Volchik V.V. Institutional Traps in the Education and Science Sector under the Conditions of Optimisation. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*. 2019. No. 16 (4). P. 783–795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.14 (In Russ.)
6. Gusev A.B., Yurevich M.A. *Nauchnaya politika Rossii – 2022: professiya ne dorozhe Rodiny*. [Science Policy of Russia – 2022: the profession is not dearer than the Motherland]. Moscow: OOO “Buki Vedi” publ., 2022. 64 p. (In Russ.)
7. Dezhina I.G. Picking winners in modern Russian science policy. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2021. No. 3. P. 53–74 (In Russ.)
8. Dezhina I.G., Sorokin A.N. The Perception of the Project 5–100 by University Employees. *Mir Rossii*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90 (In Russ.)
9. Dushina S.A., Kamneva A.V., Kupriyanov V.A., Shipovalova L.V. Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian Perspective). *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2019. No. 10 (4). P. 50–76. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-14004 (In Russ.)
10. Konashev M.B., Fedorova A.A. The Impact of the Recent RAS Reform on Academic Science in Russia. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2021. No. 12 (1). P. 136–155. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11009 (In Russ.)
11. *Kontseptsiya mezhdunarodnogo nauchnogo sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii. Odobrena resheniem Pravitel'stva RF ot 8 fevralya 2019 g.* [The concept of international scientific cooperation of the Russian Federation. Approved by the decision of the Government of the Russian Federation of February 8, 2019.] No. ТГ-П8-952. Accessed 28.03.2023. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (In Russ.)
12. Kurbatova M.V., Levin S.N., Sablin K.S. (2020). The “tripled failure” of institutional design of higher education reform in Russia. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 94–111. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111 (In Russ.)

13. Rudakov V.N., Roshchina Ya.M., Bitokova L.A. *Izmeneniya strategii, motivatsii i ekonomicheskogo povedeniya studentov i prepodavatelei rossiiskikh vuzov. Informatsionnyi byulleten'*. [Changes in Strategies, Motivations and Economic Behavior of Students and Teachers at Russian Universities]. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" publ., 2019. (Monitoring the economics of education; No. 1 (133). 84 p. (In Russ.))
14. Semenov E.V. Public science and technology policy in modern Russia: idea and implementation. *Science Management: Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2019. No. 1. P. 51–71. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.1.1 (In Russ.)
15. Tambovtsev V.L. Validity of Russian science policy's instruments: What the world's experience says. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 15–39. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.1 (In Russ.)
16. Trofimova I.N. National Research Universities: Status and Results of Activity. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2022. No. 13 (1). P. 116–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-116-129 (In Russ.)
17. Trubnikova E.I. Academic mobility or the Russian style networking? *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 3. P. 139–151. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-139-151 (In Russ.)
18. Trubnikova E.I. The Exchange of Gifts in the Academic Sphere: Predatory Practices, False Signals, and Conflicts of Interest in Excellence Programs. *Mir Rossii*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48 (In Russ.)
19. Fadeeva I.M., Aleksutkina V.S. How do Russian Researchers Evaluate Grants as a Tool for the Development of Science? *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 56–70. DOI: 10.15826/umpa.2022.04.030 (In Russ.)
20. Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results. *International Transactions in Operational Research*. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742
21. Brainard J. Few journals heed calls to boycott Russian papers. *Science*. March 10, 2022. DOI: 10.1126/science.adb1981.
22. Dezhina I. The Publication Race in Russian Universities as an Impediment to Academic Freedom. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Published electronically November 20, 2021. DOI: muse.jhu.edu/article/839074
23. Gaidar N., Abbott A., Witte A., Gibney E., Tollefson J., Irwin A., Van Noorden R. Seven ways the war in Ukraine is changing global science. *Nature*. 2022. No. 607. P. 440–443. DOI: 10.1038/d41586-022-01960-0
24. Guskov A.E. Boosting research productivity in top Russian universities: The circumstances of breakthrough. *Scientometrics*. 2018. No. 117. P. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8
25. Johnson J., Adams J., Grant J., Murphy D. *Stumbling bear, soaring dragon. Russia, China and the geopolitics of global science*. Harvard Kennedy School for Business and Government, Clarivate, The Policy Institute, King's College London. July 2022. 24 p. Accessed 25.06.2023. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/Stumbling-bear-soaring-dragon.pdf>
26. Lovakov F., Panova F., Sterligov I., Yudkevich M. Does government support of a few leading universities have a broader impact on the higher education system? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative. *Research Evaluation*. July 2021. Vol. 30. Iss. 3. P. 240–255. DOI: 10.1093/reseval/rvab006

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Dezhina — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher,
Gaidar Institute for Economic Policy.

Phone: +7 (499) 120-62-58. **Email:** degina@iep.ru

Received: 18.04.2023.